

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1461-1469
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1461

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Forced Migrants as a Political Actor in the Siberian Province during the World War I

Alexandra S. Kuzmenko ^{a,*}

^a Federal Research Center «Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences», Russian Federation

Abstract

Forced migration during the First World War has become a powerful factor affecting both international relations and the situation within involved countries. In the Russian Empire this phenomenon appeared to be a new factor in the political space. Researchers believe that in the European part, the refugee component of this migration flow has had a noticeable impact on the collapse of state power in provinces. At the same time, there is a common opinion that the deported part of the immigrants, once in the Siberian provinces, joined the composition of organizations and movements dissatisfied with the authorities and, accordingly, contributed to the further shattering of state structures in these regions. The purpose of this article is to analyze the mentioned influence on the materials of the main recipient territory of all types of forced migrants – Siberia. The work is based on the historical-genetic method, the application of which made it possible to reconstruct the features of the interaction of various political actors within the region. The orientation of their political activity, its degree was determined on the basis of the historical-psychological method. As a result of the study, there was formulated the statement about the vector of the impact of forced migrants on the political forces of Siberian society, from the perspective of the actor-network theory of Bruno Latour, John Law and Michel Callon. This methodological approach refuted the classical historiographic position that there was no political influence on the part of the group of forced migrants, with the exception of the active position of the deported ones. Also, during the analysis, it was confirmed that the left political powers were not interested in migrants.

Keywords: Forced migrants, political system, political actor, Siberia, World War I.

1. Введение

Недобровольная миграция в годы Первой мировой войны превратилась в мощный фактор, воздействующий как на международные отношения, так и на ситуацию внутри государств-участниц. В Российской империи, как и в других странах с нестабильной политической ситуацией, данный феномен оказался новым фактором в политическом пространстве. Исследователи полагают, что в европейской части беженская составляющая этого миграционного потока оказала заметное влияние на крах государственной власти на местах. В то же время существует расхожее мнение (не подтвержденное пока эмпирически, но возникшее в советский период), что депортированная часть переселенцев, оказавшись в сибирских провинциях, вошла в составы организаций и движений, недовольных властью и, соответственно, способствовала дальнейшему расшатыванию государственных структур в этих регионах. Несмотря на то, что феномен политического влияния недобровольной миграции подвергся некоторому эпизодическому рассмотрению, участие недобровольных переселенцев в политической жизни общества, изменение системы взаимодействия различных акторов, которые произошли в российской политической сфере именно в результате появления нового игрока, остались пока не исследованными. Дополнительную значимость изучению этой проблемы придает последующее

* Corresponding author

E-mail addresses: edu.hi@mail.ru (A.S. Kuzmenko)

участие представителей недобровольной миграции (а именно категорий высленцев и депортированных) в формировании кадрового потенциала региона-реципиента. Являясь выходцами из городских и мещанских кругов, по профессиональному признаку значительная часть их принадлежала к работникам интеллектуального труда (врачам, служащим, учителям и т.д.). Оказавшись в Сибири, они принесли с собой иные «школы» – педагогические, научные и т.п., повлияв, таким образом, на становление кадрового интеллектуального капитала региона.

2. Материалы и методы

Целью данной статьи является попытка проанализировать воздействие феномена недобровольной миграции на различные политические субъекты, действовавшие в российском политическом поле, на материалах основной территории-реципиента всех типов недобровольных мигрантов – Сибири.

Источниковой базой для выявления указанного воздействия стали неопубликованные материалы внутренней переписки различных органов исполнительной власти как всероссийского, так и регионального уровня. Архивные делопроизводственные документы по вопросу политического действия государства почерпнуты, главным образом, из двух фондов Государственного архива Российской Федерации – 1768 «Канцелярия петраковского губернатора» и 1769 «Коллекция документальных материалов центральных и местных административных, жандармских, полицейских, судебных учреждений и учебных заведений в Царстве Польском». Политическая активность местного чиновничества, равно как и недобровольных мигрантов, выявлялась на основе анализа материалов, представленных в архивах сибирских субъектов – Государственного архива Иркутской области и Государственного архива Красноярского края (фонды 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» и 595 «Енисейское Губернское Управление»).

Определение политической позиции иных субъектов (общественных организаций и политических партий) стало возможным при исследовании материалов сибирской периодической печати («Сибирь», «Вестник Приенисейского Края», «Вестник Красноярского городского общественного управления»).

Основным подходом, с позиций которого осуществлялось изучение политического влияния, является акторно-сетевая теория (B. Latour, M. Callon, J. Law). Расширенный анализ взаимосвязи всех участников политической сферы в Сибири дал возможность увидеть эту сеть и характер воздействия каждого актора на иных игроков и всего поля действия в целом.

Применение данного подхода определило использование историко-генетического и историко-психологического методов как ведущих в данной работе. Их комбинация позволила установить политические позиции отдельных политических игроков – чиновничества и государства как отдельного актора. Также в целях выявления степени и направления политической активности негосударственных субъектов в работе был применен метод контент-анализа.

3. Обсуждение

Исследование политического влияния недобровольной миграции велось и прежде. Однако основной линией, интересовавшей ученых, была в первую очередь политика государства и общественных организаций по вопросу урегулирования, систематизации данного феномена. Среди первых трудов стоит назвать коллективную работу Т.И. Полнера, С.П. Турина и князей Г.Е. Львова и В.А. Оболенского, вышедшую в 1930 году в Йельском университете. В ней авторы сосредоточились на вкладе Всероссийского земского союза в работу с беженским потоком (Polner et al., 1930: 170).

Т.Е. Солодков также рассматривал попечительскую деятельность государства в отношении беженцев. При этом он особо подчеркивал неспособность Российской империи разрешить все те трудности, с которыми была связана миграционная политика данного периода (Солодков, 1967).

Вектор политики тотальной мобилизации раскрывает в своем труде П. Холквист (Холквист, 1999: 83-101). Так, депортации он рассматривает с точки зрения особой «политики населения», довольно распространенной в российских политических кругах рубежа XIX–XX веков.

В начале XXI века издано целостное исследование, посвященное миграционной политике в России изучаемого периода. В нем автор, И.П. Щеров, сосредотачивается на послевоенном времени (с марта 1918 по 1921 годы) (Щеров, 2000: 28). Ученый делает вывод о преемственности нечеткости советского миграционного законодательства, которому в наследство достались созданные имперским правительством проблемы (Щеров, 2000: 260).

В.Н. Савченко поднимает вопросы административно-территориального размежевания, связанные с феноменом недобровольной миграции (Савченко, 2005: 95). Изучаются особенности государственной политики на присоединенных в период Первой мировой войны землях (Бахтурина, 2000: 192).

Однако участие недобровольных переселенцев в политической жизни общества, изменение системы взаимодействия различных акторов, которые произошли в российской политической сфере именно в результате появления нового игрока, остались пока не изученными.

4. Результаты

В начале XX века в политической системе тыловых регионов возник феномен недобровольной миграции. Ранее политическая система провинциального сибирского города включала в себя ограниченное количество акторов. Первым из них, безусловно, являлось государство.

Данный субъект в политической жизни сибирского города занимал совершенно конкретное место. Купируя в течение длительного времени каналы самоуправленческой деятельности, государство, как институт, распространяло свое влияние на все сферы жизнедеятельности общества и полагало себя единственным игроком на провинциальном политическом олимпе. Неслучайно Д.Н. Гергилев называет генеральным вектором развития административно-территориального управления Сибирью принцип одновременной «централизации и локализации власти в регионе (укрупнение и разукрупнение) при построении унифицированной модели властных отношений, характерной для империи» (Гергилев, Дуреева, 2017: 103). Данная тенденция создавала совершенно конкретную форму взаимоотношений между центром и регионом, столичным правительством и его местным уровнем и своеобразным регентом – Главным управлением во главе с генерал-губернатором Сибири (после 1822 года – генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири).

Однако для местного сообщества государство, воплощением которого являлись имперские структуры и, конечно же, сам император, располагавшиеся за тысячи километров, выступало в качестве «олимпийца» – трансцендентного и не в полной мере осознанного. «Москвоцентричность», «петербургоцентричность», описываемые В.В. Трепавловым, безусловно, имели место, особенно для людей просвещенных, горожан, отсчитывавших свою «виртуальную» географию от столичных дел. Но повседневная политическая рутина демонстрировала отсутствие прямого влияния этого актора. Участники политической жизни сталкивались даже не с имперскими органами власти; здесь, в сибирском городе, они взаимодействовали с индивидуальными чиновниками, многие из которых (особенно низовой уровень чинов) были выходцами из местных сообществ, людьми, опутанными местными связями, местечковой патрон-клиентской сетью. Безусловно, за ними стоял мощный трансцендентный игрок, но региональные сетевые взаимодействия оказывались сильнее. Показателен случай, произошедший в Еланском городском попечительстве о бедных. Здесь заведующий беженским приютом, получив столичную директиву о принудительном переселении недобровольных мигрантов в сельскую местность, перекрыл в приюте водопроводные краны. Однако, когда об этом узнал городской голова П.Ф. Ломовицкий, он сейчас же распорядился открыть водопровод (Сибирь, 1916: 3).

Такие вольные и даже противоположные прямым государственным указам действия свидетельствовали о том, что как актор государство в политической системе провинциального сибирского города фактически отсутствовало. Оно не имело реальных связей, реального влияния и места. И чем отдаленнее было поселение, тем более эфемерную роль играл данный институт. Подтверждением этому может служить то, с какой легкостью население, даже осязаемо зависимое, отказывало в выполнении прямых директив. Так, к примеру, полностью провальной оказалась государственная инициатива по переселению недобровольных мигрантов из городов в сельскую местность. «На заседании распорядительной комиссии по устройству беженцев Иркутского комитета Союза городов выяснилось, – писал Вестник КГОУ в июне 1916 года, – что все беженцы поголовно не желают выезжать из города в села и что применявшиеся к тому расселению меры до сих пор ни к чему не привели... Беженцы говорят: «Мы не пойдем, лучше утопить нас в Ангаре!» (Вестник КГОУ, 1916: 45-46).

Появление недобровольных мигрантов активизировало деятельность государственного актора: интенсифицировались его административные и контрольно-надзорные функции. «Управляющий Министерства внутренних дел циркулярным распоряжением от 22 минувшего августа за № 35 поставил меня в известность, что усилившееся движение беженцев из местностей, охваченных войной или угрожаемых таковыми, вызвало напряженную работу центрального правительства... Усилия всех лиц и учреждений, занятых указанным делом [помощь беженцам], должны быть направлены на организацию передвижения выселяющихся... Гг. Крестьянским начальникам и Подрайонным Переселенческим Чиновникам надлежит быть осведомленными о движении беженцев в пределах вверенных участков и в случаях скопления беженцев в том или ином месте принять на себя личное руководство» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 169. Л. 1).

Как видим, процесс выдворения выселенцев с территорий, занимаемых неприятелем, депортационные мероприятия требовали непосредственного воздействия на политические права и свободы жителей империи. «31 июля за № 452 в Ломже получена телеграмма командующего армией следующего содержания: «Командующий армией приказал с получением сего, в течение 24 часов, выселить из губерний всех германских и австрийских подданных, причем с лицами мужского пола в возрасте от 19 до 45 лет поступить, как с военнопленными, и отправить их за Волгу, а остальным разрешить проезд в свое отечество через нейтральные страны; если же последние откажутся выехать, то высылать по этапу», – подписал генерал Филимонов» (ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 19. Л. 78).

В результате такого вторжения в сферу индивидуальных прав деструктивный дискурс государственного актора усилился. Недавно назначенный варшавским генерал-губернатором князь

Н.П. Енгальчев телеграфировал петраковскому губернатору: «Согласно статье 415 и 507 положения о полевом управлении войск командующим армией командирам корпусов предоставлено право высылать из их войсковых районов всех лиц, пребывание которых признается вредным. Таковых по именным требованиям военных властей надлежит немедленно высылать вне театра военных действий без представления на мое рассмотрение» (ГАРФ. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 58. Л. 100).

Данная тенденция интересным образом сказалась на положении другого игрока провинциальной политической системы – государственных служащих – именно в Сибирском регионе оказавшегося отделенным от фигуры государства.

На первый взгляд сибирское чиновничество можно было бы принять за одну из заинтересованных групп. Однако при детальном анализе становится очевидным, насколько далек этот актер от указанного понятия. Во-первых, чиновничество было организованной группой с добровольным членством. Но подобная черта была присуща и обычному феномену корпоративной этики и не обязательно свидетельствовала о наличии группы давления. Во-вторых, как любая социальная группа бюрократия обладала конкретными сходными социальными интересами и стремилась их защищать. Но ресурсы, которые она потенциально могла направить на достижение своих целей, принадлежали ей лишь частично: они передавались чиновникам на правах временного пользования, пока длилась их государственная служба.

В итоге в начале XX столетия выступать в качестве единой сплоченной группы давления сибирское чиновничество не имело возможности. Способности к действию по защите своих интересов именно со стороны группы не наблюдалось. Данная ситуация прекрасно иллюстрируется историей становления областнического движения.

В то же время в региональной политической системе чиновничество воспринималось как полноценный актер, материальное воплощение трансцендентной фигуры государства. Оно говорило и действовало от его имени. Удаленность от центра позволяла усилить субъективное, местечковое начало. А дисперсность распределения по большой территории снижала возможность консолидации политического ресурса.

Такое двусмысленное положение приводило к своеобразной атомизации чиновничьего актора. В результате местная политическая система насыщалась большим числом микрогрупп, микроакторов, что делало ее невероятно дробной и довольно запутанной. Возникновение влиятельного центра притяжения, способного выступить самостоятельным сильным политическим прогосударственным игроком, не представлялось возможным. Эта характерная черта внесла свой вклад в провал попыток правого блока к объединению в сибирской провинции.

С появлением в регионе недобровольных мигрантов эта возможность стала еще более эфемернее. Все дело в том, что негативный дискурс от принудительного перемещения сибирскому чиновничеству довольно «удачно» удалось переложить на плечи государства. Центральное руководство издавало приказы и законы о принудительном перемещении населения. «...Предлагаю принять к руководству нижеследующее, – телеграфировал генерал-лейтенант князь П.Н. Енгальчев в январе 1915 г. – 1) подданным воюющих с Россией держав предоставляется возможность выехать за границу империи, причем все те, которые не воспользуются этим до 1 февраля сего года, должны быть выселены распоряжением полиции в губернии по указанию министра внутренних дел» (ГАРФ. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 58. Л. 28). Таким образом, инициатором притока мигрантов, незапланированных и не особо ожидаемых в провинции, выступило столичное правительство. В то же время все бремя по содержанию таких переселенцев было передано местным сообществам. «Ближайшая забота о нуждах беженцев... возлагается на сельские общества», – писал управляющий Министерством внутренних дел в сентябре 1915 г. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 169. Л. 1). В условиях роста напряженности политической системы большинство губернаторов, крестьянских начальников, начальников переселенческих участков предпочло дистанцироваться от последствий этого довольно непопулярного решения: своей политической «смерти» никто из них не хотел.

Не складывалась группа влияния и с самостоятельной позицией. Местная сибирская бюрократия оказалась в ситуации лавирования: с одной стороны, на нее давило местное сообщество, с другой – точкой принуждения стали непосредственно мигранты. Губернские канцелярии были завалены прошениями от переселенцев и заинтересованных лиц с требованиями вернуть их если не в родные места, то хотя бы ближе, за Урал, в западные провинции. «Прошу разрешить возвратиться Слоним, – телеграфировал енисейскому губернатору главный начальник Минского военного округа, – высланному мною и проживающему Енисейске Валериану Казимировичу Стребейко» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 536. Л. 6).

Теоретически ситуацию разобщенности можно было переломить, кооптировав в ряды политических соратников третьего игрока политической системы – общественные организации региона.

В начале XX века значительная часть общественных организаций в Сибири имела благотворительный уклон. Однако с началом Первой мировой войны деятельность этих институтов в заметной мере политизировалась, в результате чего они начали встраиваться в политическую систему. Так, организованный Красноярским отделом Сибирского общества помощи раненым воинам

Комитет помощи беженцам выделился в 1915 году в самостоятельную организацию. А после опубликования закона о беженцах от 30 августа 1915 года даже перешел в ведение Городской управы ([Отчет Красноярского отдела..., 1915: 19](#)).

Наблюдая рост значимости общественных организаций в политической сфере, государственный актор попытался поставить его под свой контроль. Летом 1916 года газеты пестрели статьями о предстоящей реорганизации всего дела помощи беженцам. Национальные общества, Татъянинский и Ольгинский комитеты, а также иные учреждения, ведавшие в той или иной форме беженским движением, предполагалось подчинить Министерству внутренних дел Российской империи. При этом при министерстве планировали создать особую комиссию с широкими правами. Членство в ней должны были получить представители всех вышеназванных организаций, а также ряд специально назначенных государственных чиновников. Возглавил данную комиссию в результате вновь назначенный товарищ министра (заместитель) Энгельгардт ([Вестник КГОУ, 1916: 48](#)).

Показательным, на наш взгляд, фактом в этом мероприятии являлось распределение полномочий и автономии в рамках деятельности этой комиссии. Усиление правительственного контроля разворачивалось по линии делопроизводства национальных организаций и контроля за распределением финансов на нужды помощи беженцам. «По поводу предполагающейся ревизии всех организаций, оказывающих помощь беженцам, в министерстве внутренних дел сообщают следующее: в губернских комитетах все сметы согласуются и утверждаются. Теперь пришло время для разрешения второй задачи – установления постоянного наблюдения и контроля за деятельностью общественных организаций» ([Вестник КГОУ, 1916: 48](#)). Планировалось даже проведение глубокой проверки предшествующей деятельности каждого общества, его счетов, документов и т.д. Фактически речь шла о запуске постоянных ревизионных комиссий.

Примечательно, что такая тенденция встретила интересную форму пассивного, возможно не до конца осознанного, сопротивления со стороны этих организаций. Примером тому можно считать заявление упомянутого выше отдела: «Отдел стремится к объединению деятельности и всех организаций в г. Красноярске, а равно и на местах. В этих целях Отдел принял участие в местном съезде представителей городов Енисейской губернии и организовал соединенный Комитет помощи беженцам, и в последнее время приступил к изданию журнала «Вестник Приенисейского края» ([Вестник КГОУ, 1917: 40](#)).

Сам факт формирования собственного печатного органа уже свидетельствовал о становлении таких организаций в качестве политического актора. Заметим, что одновременно с «беженскими» обществами начали политизироваться и национальные объединения. На совещании, состоявшемся в Иркутске 24 ноября 1916 года, польское общество помощи жертвам войны, общество охранения здоровья евреев и уполномоченный латышского и литовского центрального комитетов выступили с заявлением об отказе действовать согласно государственным рекомендациям, которые предписывали лишение выселенцев права получения беженского пайка. «Перед общественными организациями встала дилемма: или выступить в несвойственной им роли послушного исполнителя явно неприемлемых для них циркуляров, навлекая на себя совершенно справедливые нарекания со стороны тех, кого они согласились призывать, или отказаться от всего этого дела» ([Вестник КГОУ, 1917: 40](#)). Интересно, что после продолжительных дебатов с доводами национальных обществ согласилось все губернское собрание.

Вообще разногласия между общественными организациями и городскими управлениями с течением времени только нарастали. Государственные учреждения старательно распространяли свое влияние на общественные организации и чаще всего открыто считали их всецело подчиненными. Те в свою очередь, признавая оправданность контроля финансовой отчетности, считали остальные сферы (внутренний распорядок по делопроизводству, саму структуру и условия деятельности) «делом исключительно своей компетенции» ([Вестник Приенисейского края, 1916: 7](#)).

Постепенно противостояние переходило в активную фазу: государственные органы все чаще прибегали к легальным способам затруднения работы таких организаций – от простого бюрократического филибастера до обвинений в растратах и привлечения полицмейстеров («Собрание это [Красноярского Комитета о беженцах] не состоялось распоряжением г. Полицмейстера, сославшегося на неразрешение такового г. Городскимъ Головой» ([Вестник Приенисейского края, 1916: 8](#)).

В конце концов ряд городских общественных организаций был вынужден прекращать свою деятельность, а соответственно, сворачивались и политическая активность и потенциал. Те общества, которые смогли оказать сопротивление чиновничьему актору, должны были обладать либо узкой специализацией в плане социальной базы (например, национальные), либо соблюдать показательную аполитичность. Кооптация провалилась, а о кооперации не шло и речи.

Таким образом, политическая система провинции оказалась в состоянии дробления, в первую очередь в отношении акторов либерального и центристского политического уклона в целом. И, как видим, довольно заметную роль в этом дроблении сыграл феномен недобровольной миграции. Это выводило данную группу на политическую арену провинции и потенциально могло актуализировать и усилить разрозненный левоцентристский сектор, собрав под эгидой защиты прав насильственно

перемещенных и местные чины, и представителей общественности, и членов политических кружков, объединений, партий. Однако этого не случилось.

Сами недобровольные мигранты не стали ни центром притяжения, ни самостоятельным актором. К их характеристикам/параметрам, оказывающим влияние на данный феномен, именно как политический актор, относятся те, которые создают/формируют уровень политической культуры. В рамках качественного состава это: половозрастной, образовательный, профессиональный параметры, выталкивающие причины передвижения и причины выбора конкретной территории-реципиента. Количественные характеристики не создают конкретный тип политической культуры, а, следовательно, оказывают лишь опосредованное влияние на «недобровольных» мигрантов как политический актор. Однако весомость этого актора напрямую зависит именно от количественных характеристик.

Первой причиной их политического бессилия стоит считать структурное устройство потока. В недобровольном миграционном потоке прослеживались три составляющие: собственно (1) беженцы, самостоятельно принявшие решение о выезде под угрозой приближения фронта; так называемые (2) «выселенцы», выдворенные правительством в связи с военными мероприятиями по зачистке территории; (3) депортированные лица, высланные по обвинениям в пронеприятельских настроениях и деятельности под административный надзор.

Качественные характеристики этих составляющих (половозрастной, социальный состав) закономерно были различными, как и причины, вынудившие к передвижению. В результате уровень политической культуры также не отличался единообразием. Если беженское население обладало в основном традиционной политической ментальностью, две другие категории являлись носителями бюрократического типа легитимности власти, а соответственно, и такого вида политических воззрений. Находясь на различных уровнях развития политической культуры, данные группы в обычном состоянии не могли найти пересечений в своих устремлениях, а, следовательно, и причин, пусть и ко временному, но объединению политической воли и усилий.

Таким внешним драйвером (аттрактором в рассматриваемой открытой системе) по нахождению точек соприкосновения могла стать война. Однако нормативная деятельность государства воспрепятствовала этому. Статус, присвоенный государством различным типам недобровольных переселенцев периода Первой мировой войны, еще больше отдалил их друг от друга и стал вторым фактором, препятствовавшим становлению данной группы в качестве самостоятельного политического субъекта.

Государство выделило и стигматизировало всех мигрантов в общественном сознании: беженцев со знаком «+», «выселенцев» и депортированных со знаком «-». В результате образ первых приобрел явные виктимные черты как в сознании сообщества-реципиента, так и в сознании самих переселенцев. Третья категория приобрела черты изгоев, париев (последнее происходило в силу осуществления за ними полицейского надзора, вплоть до помещения совместно с уголовными осужденными). Вторая же категория – «выселенцы» – словно зависла в своем статусе между указанными выше. При этом необходимо отметить дополнительный сомнительный факт, витавший в общественном сознании: «выселенцы» не имели за собой шлейфа антироссийских настроений и пронеприятельской деятельности, но факт их принудительной высылки заставлял местное население относиться к ним настороженно.

Обратной стороной образа жертвы стал закономерный рост иждивенческих настроений в беженской среде. «Ввиду выяснившегося [в] некоторых местностях отрицательного отношения [к] использованию беженцев [на] сельскохозяйственных работах, равно уклонения беженцев [от] этих работ, – писал весной 1916 г. сибирским губернаторам товарищ министра внутренних дел князь В.М. Волконский, – вновь подтверждаю Вашему Превосходительству настоятельную необходимость безусловного привлечения всех свободных [от] работ беженцев [к] сельскохозяйственному труду, приняв [в] сем отношении исчерпывающие меры» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3435 картон к 332. Л. 98).

В политической жизни иждивенчество ожидаемо сформировало инертную позицию, а действия местных представителей политической элиты, защищавших такой виктимный статус, только усилили эффект.

Подобная политическая пассивность выработалась и у двух других категорий недобровольных переселенцев. Депортированные изначально приобретали статус преступников. «Выселенцы», перемещенные просто в силу военных зачисток отдаваемых противникам территорий, ощущали себя обманутыми. Государство, которое должно было защитить их быт и имущество, само стало источником разрушения привычной жизни. Более того, оно отнеслось к ним негативно: «если не бежали при приближении линии фронта, значит имели пронеприятельские настроения». Весной 1916 г. во время пребывания в г. Чите генерал-майор П.П. Мейер, главноуполномоченный по устройству беженцев в Сибири, обратил внимание на пребывание в убежище для евреев-беженцев двух «выселенцев». Тут же последовало предложение еврейскому национальному обществу, содержащему приют, немедленно выселить последних. «По получению предложения Вашего Высокопревосходительства от 10 июня с.г. за № 5520, – отчитывался иркутский генерал-губернатор, – мною вновь подтверждено Еврейскому обществу о недопустимости содержания выселенцев за счет беженских кредитов. Засим, 22 июня за № 1674 мною предложено Читинскому полицмейстеру

произвести проверку лиц, живущих в убежищах Еврейского комитета..., но и ни в коем случае не содержать выселенцев в одном помещении с беженцами [курсив наш]» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427 картон 908. Л. 196).

5. Заключение

В результате недобровольные мигранты фактически стали бременем для политических сил либерального и в целом центристского толка. Потенциально данный актор мог сыграть роль балласта: правильно разыгранная политическая карта и кооптация различных групп могла бы сделать его тем грузом, который мог улучшить балансирующие качества региональной политической системы, особенно по линии самоуправленческой, автономной. Однако сложившаяся система взаимоотношений политических акторов и особенности самого миграционного потока отрезали данную альтернативу.

Примечательно, что левый край политических сил практически игнорировал недобровольных переселенцев. Безусловно, пропаганда велась и в беженской среде, и среди депортированных. Однако основной упор радикальные силы делали на контингент военнопленных. Неслучайно И.П. Щеров, исследуя миграционную политику империи в рассматриваемый период, писал о том, что недобровольные мигранты, с точки зрения социал-демократов и эсеров, представляли интерес прежде всего в решении национального вопроса, и, хотя часть беженцев восприняла эти идеи, но основная их масса осталась глуха (Щеров, 2000: 83).

Левый край политических акторов в Сибири, вовремя определив бесперспективность вовлечения мигрантов, не делал на них ставки. Это позволило им сосредоточить усилия на более политизированной части местного населения. В то же время последнее оказалось более радикально заряженным именно под влиянием обузы в лице переселенцев, предопределившим, таким образом, в регионе победу левых политических сил.

Данная ситуация прекрасно иллюстрирует действие акторно-сетевой теории. Классическая историческая парадигма, ожидая от политических субъектов инициативных действий в виде выступлений, митингов, институализации, наконец, насильственных форм политического участия, не учитывала то влияние, которое оказали недобровольные мигранты, с ее точки зрения пассивная единица (за исключением депортированных), на всю сеть политических взаимоотношений региона. При этом различные авторы либо напирали на актуальность и востребованность левых идей со стороны общества, нередко искусственно подтягивая факты под данное утверждение, либо напротив терялись в догадках о причинах победы, не видя нужной степени распространенности и востребованности этих идей. Учет же взаимного влияния всех акторов позволил выявить эти причины.

Литература

Бахтурина, 2000 – Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / Серия «Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова. М.: «АИРО-XX», 2000. 264 с.

Вестник КГОУ, 1916 – Вестник Красноярского городского общественного управления (Вестник КГОУ). № 9–10. 1 июня 1916. С. 45–46.

Вестник КГОУ, 1916 – Вестник КГОУ. № 14–15. 17 августа 1916. С. 48.

Вестник КГОУ, 1917 – Вестник КГОУ. № 1–2. 17 января 1917. С. 40.

Вестник Приенисейского края, 1916 – Вестник Приенисейского края. № 7–4. 28 августа 1916. С. 7.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гергилев, Дуреева, 2017 – Гергилев Д.Н., Дуреева Н.С. Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 103–108. DOI: 10.17223/15617793/421/15

Отчет Красноярского отдела..., 1915 – Отчет Красноярского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам // Вестник Приенисейского края. № 3. 20 декабря 1915.

Савченко, 2005 – Савченко В.Н. Восточная Галиция: проблемы национально-территориального и политического размежевания (1914–1923 гг.) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 95–107.

Сибирь, 1916 – Сибирь. 14 июня 1916.

Солодков, 1967 – Солодков Т.Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма: 1907–1917 гг. / Минск: Наука и техника, 1967. 373 с.

Суржикова, 2021 – Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): Монография. Екатеринбург-Челябинск, 2021. 493 с.

Холквист, 1999 – Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. С. 83–101.

Щеров, 2000 – Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск: СГПУ. 2000. 316 с.

Polner et al., 1930 – Polner T.J., Obolensky V.A., Turin S.P., Lvov G.E. Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. New Haven: Yale University Press, 319 p.

References

Bakhturina, 2000 – Bakhturina, A.Yu. (2000). Politika Rossiiskoi imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voyny [Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Seriya "Pervaya monografiya" pod red. G.A. Bordyugova. Moscow, "AIRO-XX". 264 p. [in Russian]

GAIO – Gosydarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].

GAKK – Gosydarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of the Krasnoyarsk Krai].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gergilev, Dureeva, 2017 – Gergilev, D.N., Dureeva, N.S. (2017). Sibir' kak primer optimal'nykh gosudarstvennykh mekhanizmov upravleniya [Siberia as an example of optimal government governance mechanisms]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 421: 103-108. DOI: 10.17223/15617793/421/15 [in Russian]

Kholkvist, 1999 – Kholkvist, P. (1999). Rossiiskaya katastrofa (1914 – 1921) v evropeiskom kontekste: total'naya mobilizatsiya i "politika naseleniya" [Russian catastrophe (1914 – 1921) in the European context: total mobilization and "politics of the population"]. In *Rossiia i Pervaya mirovaya voina*. Otv. red. N.N. Smirnov. Saint-Petersburg. Izd-vo "Dmitrii Bulanin". Pp. 83-101. [in Russian]

Otchet Krasnoyarskogo otdela..., 1915 – Otchet Krasnoyarskogo otdela Sibirskogo obshchestva pomoshchi ranenym voynam [Report of the Krasnoyarsk Department of the Siberian Society for Assistance to Wounded Soldiers]. *Vestnik' Prieniseiskago Kraia*. 1915. 3. [in Russian]

Polner et al., 1930 – Polner, T.J., Obolensky, V.A., Turin, S.P., Lvov, G.E. (1930). Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. New Haven: Yale University Press, 319 p. [in Russian]

Savchenko, 2005 – Savchenko, V.N. (2005). Vostochnaya Galitsiya: problemy natsional'no-territorial'nogo i politicheskogo razmezhevaniya (1914–1923 gg.) [Eastern Galicia: problems of national-territorial and political disengagement (1914–1923)]. *Voprosy istorii*. 9: 95-107. [in Russian]

Shcherov, 2000 – Shcherov, I.P. (2000). Migratsionnaya politika v Rossii 1914 – 1922 gg. [Migration policy in Russia 1914 – 1922]. Smolensk, SGPU. 316 p. [in Russian]

Sibir', 1916 – Sibir'. 1916. 14 iyunya. [in Russian]

Solodkov, 1967 – Solodkov T. E. Bor'ba trudyashchikhsya Belorussii protiv tsarizma: 1907 – 1917 gg. [The struggle of the workers of Belarus against tsarism: 1907 – 1917] / 1967. Minsk, Nauka i tekhnika. 373 p. [in Russian]

Surzhikova, 2021 – Surzhikova, N.V., Mikhalev, N.A., Pyankov, S.A. (2021). Rossiiskoe beghenstvo: centry i periferii, process i struktury, individy i massy (1914–1922 gg.) [Russian refugeedom: centers and peripherals, processes and structures, individuals and masses (1914–1922)]: monograph. Yekaterinburg – Chelyabinsk, 493 p. [in Russian]

Vestnik KGOU, 1916 – Vestnik KGOU. 1916. 14-15: 48. [in Russian]

Vestnik KGOU, 1916 – Vestnik Krasnoyarskogo Gorodskogo Obshchestvennogo Upravleniya (Vestnik KGOU). 1916. 9-10: 45-46. [in Russian]

Vestnik KGOU, 1917 – Vestnik KGOU. 1917. 1-2: 40. [in Russian]

Vestnik' Prieniseiskago Kraia, 1916 – Vestnik' Prieniseiskago Kraia. 1916. 7-4: 7. [in Russian]

Недобровольные мигранты как политический актор в сибирской провинции в годы Первой мировой войны

Александра Сергеевна Кузьменко ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Российская Федерация

Аннотация. Недобровольная миграция в годы Первой мировой войны превратилась в мощный фактор, воздействующий как на международные отношения, так и на ситуацию внутри государств-участниц. В Российской империи данный феномен оказался новым фактором в политическом пространстве. Исследователи полагают, что в европейской части беженская составляющая этого миграционного потока оказала заметное влияние на крах государственной власти на местах. В то же время существует мнение, что депортированная часть переселенцев,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: edu.hi@mail.ru (А.С. Кузьменко)

оказавшись в сибирских провинциях, влилась в состав организаций и движений, недовольных властью, и, соответственно, способствовала дальнейшему распатыванию государственных структур в этих регионах. Целью данной статьи является попытка проанализировать указанное влияние на материалах основной территории-реципиента всех типов недобровольных мигрантов – Сибири. Работа базируется на историко-генетическом методе, применение которого позволило реконструировать особенности взаимодействия различных политических акторов в рамках данного региона; направленность их политической активности, ее степень определялись на основе историко-психологического метода. В результате исследования было сформулировано утверждение о векторе воздействия недобровольных мигрантов на политические силы сибирского общества с позиций акторно-сетевой теории Бруно Латура, Джона Ло и Мишеля Каллона. Данный методологический подход опроверг классическую историографическую позицию об отсутствии какого-либо политического влияния со стороны рассматриваемой группы, за исключением активной позиции депортированной составляющей миграционного потока. Также в ходе проведенного анализа было выявлено отсутствие ставки на мигрантов со стороны левых сил.

Ключевые слова. Недобровольные мигранты, политическая система, политический актор, Сибирь, Первая мировая война.